

ПСИХАГОГИКА И «ЗАБОТА О СЕБЕ» КАК ПРАКТИКИ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Городыская Ольга

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»,

Харьков, Украина

Аннотация

Актуальность: современный мир ставит перед человеком много задач и вызовов, которые не всегда по силам индивиду, погруженному в сложные отношения с реальностью, которые можно охарактеризовать как кризис. Причем эти отношения стремительно усложняются, и кризис лишь нарастает. Поэтому формирование эффективных жизненных практик, способных преодолеть кризис, представляется крайне актуальным. **Цель:** проанализировать ранние формы жизненно-философской практики и обозначить их как возможные варианты построения человеком себя в современном мире. **Методы:** анализ, сравнительный метод, генеалогический метод Мишеля Фуко. **Результаты:** современный кризис вызван разрывом между человеком и его истинным бытием. В античности существовали практики «заботы о себе», которые были нацелены именно на сохранение связи человека с его истиной, на усилия человека по отношению к самому себе, причем эти усилия и есть жизнь человека согласно истине. Однако уже в христианскую эпоху произошли сдвиги в реализации принципа «заботы о себе», что в дальнейшем закрепило в отчуждении человека от истины и сделало его зависимым от внешнего источника.

Выводы: практика «заботы о себе» вводится как эффективный способ перестройки жизни человека, и это делает возможным снять угрозу утраты человеком самого себя среди разнообразия других вещей. Выявленный разрыв между принципами «познай самого себя» и «забота о себе» должен быть преодолен сращиваем истины и бытия человека до уровня «заботы об образе жизни» путем переоценки всего происходящего и отказа от того, что не является выразителем истины человека.

Ключевые слова: человек, антропологический кризис, психагогика, забота о себе, Мишель Фуко.

Введение

Актуальность исследования видится в том, что современный мир ставит перед человеком много задач и вызовов, и очень часто они оказываются не по силам индивиду, погруженному в сложные отношения с реальностью, которые можно обозначить как кризис. Можно перечислить много факторов, характеризующих это явление, однако это тема

отдельного исследования. Одними из существенных элементов здесь представляются технический фактор, массовое потребление вместе с массовым человеком и массовой культурой, отмеченные еще Хосе Ортега-и-Гассетом. При этом всякая попытка преодоления кризисного состояния человека и человеческого оказывается несостоятельной по причине все стремительного усложнения отношений человека и мира. Поэтому поиск путей преодоления кризиса и формирования эффективных жизненных практик представляется крайне актуальным.

Целью исследования является провести общий анализ ранних форм жизненно-философской практики, получивших признание еще в античности, и обозначить их как возможные варианты построения человеком себя в современном мире.

Задачи исследования: обозначить основные признаки углубления антропологического кризиса; обосновать необходимость актуализации поиска человеком собственного бытийного основания как первый шаг на пути выхода из кризиса; провести общий анализ психагогики и различных типов «заботы о себе» как техник воспитания и образования, призванных обучать построению человеком себя в современном мире; обозначить негативные стороны в реализации «заботы о себе», которые имели место в истории во избежание их на современном этапе.

Методами исследования можно обозначить анализ, сравнительный метод, генеалогический метод Мишеля Фуко, который, собственно, и дает возможность определить возможные варианты практики жизни и построения человеком его нового бытийного основания.

Основная часть

Усугубление антропологического кризиса вызвано дальнейшими изменениями в жизни человека, затронувшими самые интимные стороны его жизни. Так, человек сейчас является не просто массовым, как было заявлено, он превращается в анонима, невидимку, о котором невозможно что-либо определенно утверждать. Это произошло, поскольку современные технологии создали для человека практические возможности, с одной стороны, конструировать себя из разнообразных элементов на собственное усмотрение (например, в социальных сетях или мессенджерах), а с другой, – полностью подчинить собственную личность внешнему влиянию, потерять себя, отдав вовне даже вопросы собственных желаний и потребностей, которые благодаря всеприсутствию масс-медиа и коммуникативных форм просто навязываются человеку незаметно для него (Городиська, 2018). То есть можно говорить о растущей потребности в адаптации человека к сложным техническим системам, и даже более: человечество стоит на пороге значительного

распространения робототехники в профессиональной и частной жизни человека. Как следствие, неприспособленность, отсутствие общих для всех людей знаний и навыков, особенно в отношениях с техническим элементом современной жизни, оставляют человека за пределами общества, общего движения цивилизации. Продукты, которые сами изменяются в соответствии с условиями, роботы-фармацевты, импланты мобильных телефонов, контактные интернет-линзы и интернет-очки, система блокчейн и криптовалюты, выдача гражданства и медицинской лицензии роботами (Брусиловский, 2018), – все это выстраивает перед человеком перспективы утраты самого себя среди разнообразия других вещей без всякой надежды на само(о)сознание и реальное бытие.

Вполне очевидно, что простая попытка социального отгораживания, исключения факторов риска посредством нивелирования влияния технического элемента на жизнь человека, не будет эффективна в преодолении антропологического кризиса, все более нарастающего. Важную роль в изменении взаимоотношений человека и мира должно сыграть воспитание и образование, при этом целью должна стать не простая передача знаний, даже сугубо практического свойства, а создание новой самобытной реальности для каждого человека, исходя из его собственного бытийного основания и желаемых целей. Это особенно важно понимать в ситуации, когда изменения мира происходят все стремительнее, и очень существенным навыком для всякого человека должно стать умение вовремя уловить происходящие, понять его причины и возможные последствия и выработать актуальный алгоритм дальнейшего действия. Без умения точно сопрягать знания (о мире и о себе) с процессом изменения способа индивидуального бытия человеку невозможно выработать полноценные отношения с динамичным миром современности. Таким образом, воспитание и образование должно научить человека находить истину о себе самом в любой ситуации, научить пользоваться не абстрактными приобретенными знаниями, а укорененными в само индивидуальное бытие человека. Весьма показательным здесь выглядит та психагогическая практика, о которой так много писал Мишель Фуко. При этом нужно подчеркнуть, что понятие «психагогика» не носит психологического или психиатрического смысла, она есть специфический способ формирования человеческого. Психагогика выступает как альтернатива педагогики, в которой вся ответственность лежит на учителе, а ученик лишь перенимает знания и навыки. Психагогика толкуется Фуко как передача истины, направленной на изменение самого способа бытия человека (Фуко, 2007). Психагогика как способ формирования человеческого прошла долгий путь в европейской культуре, и ее трансформация в течение столетий привела, в частности, к искажению самих отношений истины и бытия, а как результат, – человек утратил способность жить согласно истине здесь и сейчас. Это искажение проявилось уже в христианских практиках, что в значительной

степени повлияло на нынешнюю эпоху, которая, по мнению Фуко, «началась... в тот самый день, когда решили, что познание и только познание открывает доступ к истине, является условием ее доступности субъекту» (Фуко, 2007).

Представляется весьма очевидным, что именно отчуждение истины от самого человека привело в результате к тому антропологическому кризису, который имеет место сейчас. И массовое потребление, и массовый человек, и технический фактор как то, что формирует этого человека в значительной степени (практически превращая человека в его симбиоз с техникой), – все это стало следствием забвения человека как субъекта его собственной истины. Фуко связывает истинное существование человека с феноменом «заботы о себе» (*epimeleia heautou*), которая проявляется в способности строить отношения с самим собой и миром на основании особого взгляда на себя и особых практик, которые позволяют изменять себя, очищать себя, преображаться. То есть речь идет не об абстрактных знаниях, а об усилиях человека по отношению к самому себе, причем эти усилия и есть, в конечном итоге, жизнь человека согласно истине.

Проблема соотношения человека (субъекта) и истины есть один из краеугольных камней европейского человечества. Фуко настаивал: «Нельзя подступиться к истине, не поменяв своего способа бытия» (Фуко, 2007), и греки прекрасно это знали. Истина дается субъекту только ценой введения в игру самого его существования (Фуко, 2007), однако «картезианский момент» перевернул значимость принципов «заботы о себе» (*epimeleia heautou*) и «познай самого себя» (*gnothi seauton*), оставив в фокусе лишь последний. И пожалуй, первые шаги на пути от «заботы о себе» (включая *gnothi seauton*) к только «познай самого себя» были сделаны трансформациями психагогики в христианских практиках. Таким образом, чтобы понять возможности применения заботы о себе для преодоления кризиса и возврата истины самому человеку, необходимо, прежде всего, определить те самые трансформации, которые привели к фундаментальным качественным сдвигам в человеке, его воспитании, образовании и в культуре в целом.

«Забота о себе» существует со времен Сократа, зачинателя этой практики, побуждение к которой он видел своей основной задачей. Изложенная Платоном в сочинениях о своем учителе идея *epimeleia heautou* с самого начала содержала в себе проблему предмета – того самого, на который направлена «забота». Фуко, вне всяких сомнений, размежевывает метафизическую и «биотическую» версии заботы о себе, что в первом случае означает заботу о душе (линия Платона), а во втором – заботу о жизни (особенно отразившуюся в практике киников) (Асоян, 2017). Следует подчеркнуть, что забота о себе – это «и уход за телом, и режим, помогающий поддерживать здоровье, и постоянные физические упражнения, и по возможности умеренное удовлетворение

потребностей. Здесь и размышления, и чтение, и составление выписок из книг или записей бесед, к которым стоит возвращаться, припоминание истин, хорошо известных, но требующих более глубокого осмысления... Сюда же относят беседы с наперсниками, с друзьями, с учителем или руководителем; прибавьте к этому переписку, где сообщают о состоянии духа, просят советов, дают их нуждающимся...» (Фуко, 1998). Очевидно, что забота о себе не есть некая бессодержательная философская заявка на воспитание и самосовершенствование человека, напротив, – принцип заботы о себе стал общим условием любого разумного поведения, всякой формы деятельности, если и впрямь предполагать, что они причастны принципу нравственной разумности (Фуко, 2007). Именно в этом видится конструктивный потенциал для человека современности, находящегося в состоянии антропологического кризиса, своеобразный возврат к исходным формам делания себя с максимальным учетом негативного опыта прошедших столетий.

В чем же этот негативный опыт? Необходимо всегда понимать, что забота о себе исходит из отношений субъекта с истиной, из особенностей этой сложной корреляции в разных культурных условиях. Античная (которая стала базой для будущей христианской) *epimeleia heautou*, как уже упоминалось, отражается в двух линиях философской практики: одна уводит людей к метафизической реальности, другая является испытанием жизни, выработкой определенной модальности жизни, то есть формируются некие «онтология себя» и «забота об образе жизни». Оба этих варианта *epimeleia heautou* необязательно исключают друг друга и могут сложно коррелировать между собой, порождая разные модели образа жизни (Асоян, 2017). Так, важным элементом античной заботы о себе было говорение правды о себе – *parresia*, которая призвана была подвергнуть испытанию образ жизни человека, проверить его на истинность, вероятно, направить человека к необходимым изменениям. Именно по этой причине *парресия* обращается к душе, *psukhe*, это мужественная свобода, благодаря которой в акте высказывания обретают себя (Фуко, 2014). При этом важным элементом поиска истины, обучения является наставничество, наличие связи «учитель-ученик», когда первый во многом является своеобразным зеркалом для второго. Учитель научает, прежде всего, самой практике заботы о себе, навыкам говорения правды о себе и дальнейшему утверждению автономии жизни ученика, что является главной целью научения и воспитания здесь и сейчас и причиной обязательного разрушения связи «учитель-ученик» после. Однако следует подчеркнуть, что античные практики, которые реализовали принцип заботы о себе (киннки, эпикурейцы, стоики), почитали это важнейшим условием удачного воспитания, – способность ученика в результате самому строить полноценную *epimeleia heautou*, которую никто по-настоящему не мог контролировать и

оценивать, поскольку она всегда исходила из совести человека, его внутреннего понимания истины.

Изменения в содержании заботы о себе и постепенное отчуждение истины человека от него самого происходит с началом утверждения христианских практик, хотя раннее христианство во многом повторяло процедуры античной *epimeleia heautou*. Целый ряд шагов предварял вступление будущего христианина в общину (катехуменат, крещение), но не менее важны были и действия по преодолению возможных прегрешений обращенного (исповедь, экзомологеза, рукоположение). Наличие общины само по себе вносило коррективы в тот образ жизни человека, который постулировался в античности согласно заботе о себе. Безусловно, были аскеты, которых также называют анахоретами, жившие изолированно ото всех, и в их случае праведность как неперемное условие достижения истины, реализовалась ими автономно безо всякого существенного контроля. То есть в данном случае работал все тот же элемент совестливого отношения к себе и к своим действиям, а значит, мера истины оставалась в самом человеке. Однако уже в раннехристианскую эпоху выстраивается новый вариант отношений «учитель-ученик», когда никакая жизнь христианина невозможна без управления (руководства), и это особенно видно на примере монашеской жизни, например, ценобия (киновии).

Впрочем, всякая христианская община перенимает принципы нового водительства, что позволяет регламентировать и контролировать жизнь входящих в общину христиан. Так, согласно правилам общежития Кассиана, для устройства общины необходимо соблюдать три принципа: неограниченное послушание, постоянный самоконтроль и всеобъемлющее признание (Иоанн Кассиан, 2000). Парадокс в том, что эти принципы кажутся во многом сходны с античной заботой о себе, но есть существенное отличие: принятие истины реализуется христианином в акте веры, и с этого момента человек просто не может быть действительно субъектом истины, он лишь ее выразитель, но не производитель, как это проявлялось в акте парресии.

Монашество как наиболее короткий путь к праведной жизни, безусловно, показательно в изменении отношений субъекта и истины, и эти трансформации происходят не сразу. Правила Кассиана показывают, что монашеская организация практически выступает против аскетизма без правил, и чтобы оправдать, высказать истину, человеку нужно отказаться от себя. Постепенно из монашеской жизни исчезает принцип *discretio*, здравого смысла, который был актуален с античности и даже в монашеском уставе св. Бенедикта, согласно которому во всем, особенно в оценках человеческих действий, использовался индивидуальный подход, разумность, целесообразность. Это означает, что

исчезает свободный доступ к отношениям человека с самим собой, и даже совесть оказывается публичным делом.

Так, экзомологеза (*exomologesum facere*) как особый режим жизни для согрешившего превращает человека в кающегося грешника, и это, разумеется, происходит публично. Тертуллиан добавляет к экзомологезе практику *publicatio sui* – технику развития так называемого «досмотра сознания», которая была введена Сенекой (в рамках практики *epimeleia heautou*) и являлась личным делом человека, его отчетом перед самим собой (Русаков, 2019). Христианская модель заботы о себе превратила эту практику в публичную, в отчет перед другими, что было манифестацией истинностного акта, закрепленного в крещении. При этом возврата человека к себе, обновленному в заботе о себе, когда опыт завершается открытостью всякому новому опыту, не происходит. Как точно отмечает Фуко, «в основании христианского аскетизма лежит представление о том, что именно отказ от себя составляет неперемное условие доступа к иной жизни, к свету, к истине и спасению. Не отрекшись от себя, не спасешься» (Фуко, 2007). Такое отчуждение человека от себя привело со временем к изъятию необходимости для него соотносить знание, истину с самим собой. Познание стало продуцировать истину, чуждую человеку, а он стал лишь потребителем того, что зачастую не является его личной потребностью и не служит инструментом, истинно меняющим способ бытия человека.

Выводы

Очевидно, что нынешний антропологический кризис есть результат отрыва человека от его истинного бытия, и здесь понятие «истина» обозначает истину человека. Именно по этой причине феномен «заботы о себе» вводится в исследовании как возможный способ перестройки жизни человека, когда мера истины рождается и остается в самом человеке, когда опыт завершается открытостью всякому новому опыту, а, значит, становится возможным снятие угрозы утраты человеком самого себя среди разнообразия других вещей без всякой надежды на истинное бытие. Не случайно принцип «заботы о себе» стал общим условием любого разумного поведения, не только философского, всякой формы деятельности, причастной принципу нравственной разумности. Давнишний разрыв между принципами «познай самого себя» и «забота о себе», фатально для человека закрепленный в «картезианском моменте», должен быть преодолен сращиваем истины и бытия человека до уровня «заботы об образе жизни» посредством пересмотра всего происходящего и отказа от всего того, что не является выразителем истины человека. Именно в этом видится конструктивный потенциал психагогики и «заботы о себе» для человека современности,

находящегося в состоянии антропологического кризиса, своеобразный возврат к исходным формам делания себя с максимальным учетом негативного опыта прошедших столетий.

Литература

- Асоян, Ю. А. (2017). «Мужество истины» и «забота о себе» у Фуко (возражение Лоренцо Бернини). *Критика и семиотика*, 2, 270–286.
- Брусиловский, Д. А. (2018). Специфика социальной обусловленности адаптации человека в условиях развития новых технологий. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*, 18(1), 123-127.
- Городиська, О. М. (2018). Масова людина та проблема психагогіки в умовах поглиблювання антропологічної кризи. *Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого»*. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія, 3(38), 144-154.
- Иоанн Кассиан Римлянин. (2000). Писания. Москва: АСТ, Минск: Харвест. Режим доступа: <http://yakov.works/acts/05/marsel/kass008.html>
- Русаков, С. С. (2019). Христианская модель субъективации в работах М. Фуко. *Философия и культура*, 10, 58-65.
- Фуко, М. (2007). Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 учебном году. СПб.: Наука.
- Фуко, М. (1998). История сексуальности-III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; Москва: Рефл-бук.
- Фуко, М. (2014). Мужество истины Управление собой и другими II: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 учебном году. СПб.: Наука.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКСКУРСИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Губаренко Анастасия, Имангулова Татьяна

Казахская академия спорта и туризма (КазАСТ), Алматы, Казахстан

Аннотация

В данной статье представлены основные позиции в развитии экскурсионного обслуживания, теоретические и методологические основы современного экскурсоведения. В настоящее время, все большее внимание, на мировой арене уделяется именно туризму, как одной из наиболее контактных сфер человеческой деятельности. Экскурсовод, в свою очередь, является своего рода посредником между объектом туристского интереса (природным комплексом, достопримечательностью, музейным предметом, событием и др.) и туристом, экскурсантом. Он направляет внимание туриста, формирует уникальное представление об объекте показа, дополняя его структурированным рассказом и средствами усиления внимания, через интерпретированный экскурсоводом материал. Владение